

Джованни Казанова

История Жака Казановы де Сейнгальт. Том 7

История Жака Казановы

Джованни Казанова

**История Жака Казановы
де Сейнгальт. Том 7**

«Автор»

Казанова Д. Д.

История Жака Казановы де Сейнгальт. Том 7 / Д. Д. Казанова — «Автор», — (История Жака Казановы)

«— Вчера, – сказала мне она, – вы оставили у меня в руках два портрета моей сестры М. М., венецианки. Я прошу вас оставить их мне в подарок.– Они ваши.– Я благодарна вам за это. Это первая просьба. Второе, что я у вас прошу, это принять мой портрет, который я передам вам завтра.– Это будет, мой дорогой друг, самое ценное из всех моих сокровищ; но я удивлен, что вы просите об этом как о милости, в то время как это вы делаете мне этим нечто, что я никогда не осмеливался бы вас просить. Как я мог бы заслужить, чтобы вы захотели иметь мой портрет?..»

© Казанова Д. Д.

© Автор

Содержание

Глава I	6
Глава II	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Джованни Казанова История Жака Казановы де Сейнгальт. Том 7

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава I

Конец моего приключения с монахиней из Шамбери. Мое бегство из Экса.

– Вчера, – сказала мне она, – вы оставили у меня в руках два портрета моей сестры М. М., венецианки. Я прошу вас оставить их мне в подарок.

– Они ваши.

– Я благодарна вам за это. Это первая просьба. Второе, что я у вас прошу, это принять мой портрет, который я передам вам завтра.

– Это будет, мой дорогой друг, самое ценное из всех моих сокровищ; но я удивлен, что вы просите об этом как о милости, в то время как это вы делаете мне этим нечто, что я никогда не осмеливался бы вас просить. Как я мог бы заслужить, чтобы вы захотели иметь мой портрет?

– Ах, дорогой друг! Он для меня был бы дорог, но боже сохрани мне иметь его в монастыре.

– Я прикажу сделать его в костюме Св. Луиса Гонзага или Св. Антония Падуанского.

– Меня проклянут.

На ней был корсет из бумагеи с тесьмой розового цвета и батистовая рубашка, которая меня удивила, и вежливость мне не позволила спросить, откуда это; однако я оглядел внимательно ее наряд, и, легко догадавшись о моей мысли, она, смеясь, сказала, что это подарок крестьянки, которая видела, что она предпочитает находиться в постели.

– Почувствовав себя богатой, – сказала М. М., – она решила употребить все свои средства, чтобы показать, как она благодарна своему благодетелю. Видите эту большую кровать, – она, разумеется, думала о вас; видите эти тонкие простыни. Но эта рубашка, такая тонкая, – я уверяю вас, она доставляет мне удовольствие. Я лучше спала бы этой ночью, если бы могла защититься от развратных снов, которые бросали мою душу в пламя всю прошлую ночь.

– Не думаете ли вы, что эта кровать, эти простыни и эта рубашка смогут удалить из вашей души мечты, которых вы боитесь?

– Наоборот. Изнеженность порождает сладострастие. Все это останется ей, поскольку, что бы подумали в монастыре, если бы увидели меня лежащей таким образом. Но вы кажетесь грустным. Вы были таким веселым прошлой ночью.

– Как же могу я быть веселым, видя, что не могу больше дурачиться с вами, не вовлекая вас во грех?

– Скажите лучше, – доставляя мне слишком большое удовольствие.

– Согласитесь же получать удовольствие от того, что вы сами мне его даете.

– Но ваше удовольствие невинно, а мое – преступно.

– Что бы вы сделали, если бы мое удовольствие было тоже преступно, как и ваше?

– Вчера вечером вы сделали меня несчастной, потому что я не смогла ни от чего удержать вас.

– Как, несчастная! Подумайте о том, что вы больше не будете сражаться с вашими снами, и что вы будете прекрасно спать. Наконец, крестьянка, давая вам этот корсет, сделала вам подарок, который заставит меня грустить всю жизнь, потому что я, по крайней мере, мог видеть моих деток, не опасаясь дурных снов.

– Но вы не можете винить в этом крестьянку, потому что если она полагала, что мы любим друг друга, она должна была также знать, что ничего нет легче, чем расшнуровать корсет. Мой дорогой друг, я не хочу видеть вас грустным. Это для меня главное.

Ее прекрасное лицо при этих словах бросило в краску, и она позволила, чтобы я осыпал ее поцелуями. Пришла крестьянка, чтобы поставить куверт на новый красивый стол, как раз в тот момент, когда я ее расшнуровывал, не видя на ее лице даже тени сопротивления. Это доброе предзнаменование привело меня в хорошее настроение, но я увидел, что М. М. сделалась

задумчивой. Я поостерегся спрашивать ее о причине, потому что я ее знал, и не хотел подтолкнуть ее к тому, чтобы соображения религии и чести стали непреодолимым препятствием. Я пробудил ее аппетит, показывая, в качестве примера, свой, и она выпила белого вина с таким же удовольствием, как и я, не опасаясь, что для нее, не приученной к этому, оно может пробудить веселье – известного врага добродетели воздержания, хотя и друга всех других чувств. Она не могла этого усмотреть, потому что это самое веселье сделало ее ум более блестящим, ее красоту более совершенной, и сделало ее гораздо более чувствительной, чем до ужина.

Как только мы остались одни, я воздал хвалы ее оживлению, заверив, что это все, что нужно, чтобы удалить от меня всякую грусть, так что часы, проводимые с ней, пролетают, как минуты.

– Будь только со мной великодушна, дорогой друг, и одари меня так же, как ты это сделала вчерашним вечером.

– Я скорее хочу быть осуждена, дорогой друг, и умереть сотню раз, чем рискнуть показаться тебе неблагодарной. Подожди.

Она сняла свой чепец и распустила свои волосы, освободилась от корсета и, вынув руки из рубашки, предстала перед моим влюбленным взором как сирена, что мы видим на самом прекрасном полотне Корреджо. Но когда я увидел, что она отодвинулась, чтобы дать мне место, я понял, что теперь не время рассуждать, и что амур требует, чтобы я использовал момент.

Я поспешил, скорее возле нее, чем на нее, и, сжав в своих объятиях, присосался своими губами к ее губам. Минуту спустя она отвернула голову, и, целуя ее груди, я подумал, что она вдруг задремала; я немного отодвинулся, чтобы лучше рассмотреть бесценные сокровища, которые мне предоставили Фортуна и Амур, и которых я должен был стать обладателем. М. М. спала; она не могла притворяться – она действительно спала. Но если, тем не менее, она притворялась, мог ли я предположить здесь злой умысел и уловку? Действительный или притворный, сон объекта страсти говорил мыслящему любовнику, что недостойно будет воспользоваться случаем, если он сомневается в том, дозволено ему это или нет. Если он действительный, риска никакого нет; если же он притворный, возможно ли найти способ для выражения своего удовлетворения менее справедливый и менее честный, чтобы отказать в своем собственном согласии? Но М. М. была неспособна притворяться. Чары Морфея сделали ее лицо сияющим. Она неразборчиво бормотала какие-то слова: она грезила.

Я решился раздеться, не понимая, для того ли это, чтобы погрузиться в сон, подобно ей, или утишить мой пламень, овладев ею. Но я не замедлил понять, что же я должен делать.

Лежа рядом с нею, я не побоялся разбудить ее, заключив в свои объятия; движение, которое она сделала мне навстречу, убедило меня, что она следует своему сну, и что все, что я могу сделать – это превратить его в реальность. Я окончательно сорвал с нее ее тонкую рубашку, и она вздохнула, пошевелившись, как ребенок, которого распеленывают. Я проглотил сладкий грех в ней и вместе с ней; но перед последним пределом она открыла свои прекрасные глаза.

– Ах! Боже! – воскликнула она умирающим голосом, – значит, это правда.

Произнеся эти слова, она приблизила свой рот к моему, чтобы проглотить мою душу, дав мне свою. Без этого счастливого обмена мы умерли бы оба. Четыре или пять часов спустя, пробудившись в той же позе и видя слабый свет зарождающегося дня, смешанный с дымом, струящимся от обугленных фитилей погасших свечей, мы передали друг другу, счастливые и спокойные, всю череду наших сладких историй.

– Но мы поговорим об этом подробнее этим вечером, – сказала она; – оденемся скорее. Мы любим друг друга, и мы увенчали нашу любовь. Я чувствую себя избавившейся, наконец, от всех моих волнений. Мы подчинились своей судьбе, повинуюсь требованиям владычицы природы. Любишь ли ты меня еще?

– Можешь ли ты об этом спрашивать? Я отвечу тебе сегодня вечером.

Я оделся с наибольшей быстротой и оставил ее в постели. Я видел, что она засмеялась, когда подбирала свою рубашку, которую не помнила, как сняла.

Я пришел к себе в разгар дня. Ледюк, который не ложился, передал мне письмо, которое он получил в одиннадцать часов. Я пропустил ее завтрак и отказался от чести проводить ее до Шамбери, но я, однако, не был забыт. Я сожалел об этом, но не знал, что тут делать. Я вскрыл ее письмо и увидел в нем лишь шесть строчек, но они многое сказали. Она советовала мне не появляться никогда в Турине, потому что она там найдет способ отомстить за кровную обиду, что я ей нанес. Она упрекала меня за публичный знак пренебрежения, который я выдал ей, не явившись на ее ужин, что она назвала бесчестьем.

Мне было бы невозможно явиться туда. Я порвал ее записку и пошел к фонтану. Все общество объявило мне войну по поводу того, что меня не видели на ужине у м-м Z; я защищался, ссылаясь в качестве извинения на свою систему здоровья, которая не позволяет мне ужинать; но это объяснение отвергали. Мне говорили, что знают все, и любовница маркиза, опираясь о мою руку, сказала мне без церемоний, что у меня репутация человека непостоянного; вежливость требовала, чтобы я отвечал ей, что у меня нет этого низкого недостатка, но что в любом случае никто не может меня в нем упрекнуть, если я имею честь служить такой даме как она; мой комплимент ей польстил, и я был за него вознагражден, когда она с самым любезным видом спросила, почему я не прихожу иногда позавтракать к маркизу. Я отвечал, что полагаю его занятым делами; она отвечала, что это не так, закончив тем, что я доставлю ему удовольствие, если она пригласит меня к ним на завтра, добавив для проформы, что они с ним завтракают каждый день в ее комнате.

Эта женщина была вдова знатного человека, довольно молодая, безусловно красивая и превосходно владеющая жаргоном образованных людей; но она мне не нравилась. Только что, попользовавшись м-м Z и пребывая в апогее своих желаний с монахиней, у меня не было в данный момент возможности думать хотя бы мгновение о новом объекте. Я должен был однако сделать вид, что чувствую себя безумно счастливым, что эта дама отдает мне предпочтение перед всеми остальными. Она спросила у маркиза, может ли она вернуться в гостиницу, и он сказал ей, что должен закончить одно дело с человеком, с которым он говорил, и что я мог бы проводить ее. Дорогой она мне сказала, что если бы м-м Z не уехала, она не осмелилась бы принять мою руку. Я не нашел другого ответа, как поклониться, потому что не хотел никоим образом с ней связываться. Я должен был, несмотря на это, подняться с ней в ее комнату, где мне пришлось сесть и где, поспав перед этим прошлой ночью лишь немного, я зевал. Я попросил у нее тысячу извинений и пожаловался, что болен, и она мне поверила. Я бы совсем заснул, если бы не сунул в нос понюшку табаку, которая заставила меня чихать и тем пробудила.

Пришел маркиз и, показывая, что рад застать меня у нее, предложил мне партию в пятнадцать. Я просил его меня извинить, и мадам, смеясь, сказала, что, продолжая так чихать, я, действительно, не могу играть. Мы спустились к обеду, и я легко согласился на предложение составить банк, тем более будучи раздосадованным прошлым проигрышем.

Я составил банк, как всегда, из пятисот луи, и к семи часам объявил всей компании о последней талье, несмотря на то, что мой банк уменьшился на две трети. Однако, когда маркиз и два других сильных игрока сговорились меня разорить, фортуна повернулась ко мне столь мощно, что к концу я оказался в выигрыше, обладателем двух или трех сотен выигранных луи. Я ушел, пообещав компании организовать такой же банк завтра. Все дамы были в выигрыше, потому что Дезармуаз имел приказ не перебивать их игру, пока она не становилась слишком крупной. Отнеся деньги в свою комнату и сказав Ледюку, что проведу ночь вне дома, я отправился к моему новому идолу, весь промокнув от сильного дождя, захватившего меня на полпути. Я застал мою любовь одетой в монашеское платье и расположившейся на римской кушетке. Крестьянка, обсушив меня, как могла, ушла, и я спросил у М. М., почему она не ждет меня в постели.

– Я никогда себя не чувствовала так хорошо, мой друг, за исключением небольшого недомогания, которое будет продолжаться, как сказала моя повитуха, еще пять недель. Так что я поднялась, чтобы поужинать, сидя за столом. Если это тебе доставит удовольствие, мы потом ляжем.

– Но тебе это также доставит удовольствие, полагаю.

– Увы! Я в растерянности. Я умираю, когда думаю о моменте, когда должна буду тебя покинуть.

– Поезжай со мной в Рим и предоставь мне действовать. Ты станешь моей женой. Мы будем счастливы до самой смерти.

– Я не могу на это решиться, и прошу тебя больше об этом не говорить.

Я был уверен в том, что проведу эту ночь вместе с ней, а пока за ужином мы вели приятную беседу. В конце ужина крестьянка передала ей пакет и пожелала нам доброй ночи. Я спросил у нее, что в пакете, и она сказала, что это подарок, который она мне обещала, ее портрет, но я не должен его видеть, пока она не ляжет. Испытывая любопытство и нетерпение, я сказал, что это каприз, а она ответила, что я его одобряю.

Я захотел раздеть ее сам и снять ее чепец, и, когда она легла, она открыла пакет и дала мне лист веленевого картона, на котором я увидел изображение, очень похожее, ее, обнаженной и в той же позе, в которой была М. М. на портрете, который я ей отдал. Я аплодировал умелому художнику, который так хорошо скопировал портрет, изменив только цвет глаз и волос.

– Он ничего не копировал, – ответила мне она, – потому что у него не было времени. Он только сделал черные глаза, волосы, как мои, и копну волос более густой. Так что теперь ты можешь сказать, что имеешь в одном портрете образ и первой и второй М. М., которая, по правде говоря, должна тебя заставить забыть первую, но также исчезла в этом более приличном портрете, поскольку вот она, я, одетая по-монашески, с черными глазами. В таком виде меня можно показывать всему свету.

– Ты не можешь себе представить, насколько дорог мне этот подарок. Расскажи же, мой ангел, как ты смогла выполнить свой замысел.

– Я рассказала вчера утром его крестьянке, которая сказала, что у нее есть молочный сын в Аннеси, который учится рисовать миниатюры, но она лишь поручила ему отвезти эти две миниатюры в Женеву самому умелому из художников в этом жанре, который за четыре-шесть луи переделает их, затратив на все два-три часа. Я передала ей оба портрета, и вот, дело сделано. Очевидно, она получила их только сейчас. Когда, ты видел, она мне их передала. Завтра утром ты сможешь узнать от нее самой детали этой красивой истории.

– Твоя крестьянка – выдающаяся женщина, и я должен ей оплатить затраты. Но скажи, почему ты не хотела отдавать мне твой портрет, пока ты не разделась? Могу ли я высказать догадку?

– Догадывайся.

– Чтобы я смог безотлагательно поместить тебя в ту же позу, что и на портрете.

– Точно.

– Прекрасная идея, продиктованная Амуром, но ты, в свою очередь, должна подождать, чтобы я тоже разделся.

Мы оказались оба в чудесных костюмах невинности, я уложил М. М. так, как было изображено на картоне, и она с удовольствием подчинилась. Догадываясь, что я собираюсь делать, она раскрыла свои объятия, но я сказал ей немного подождать, так как у меня тоже есть кое-что, что может быть ей дорого.

Я достал из своего портфеля маленькое одеяние из очень тонкой прозрачной кожи, длиной восемь дюймов, не имеющее выходных отверстий, а у кошелька на входе – длинную розовую ленту. Я показываю его ей, она его рассматривает, смеется и говорит, что я, должно быть, использовал такие одеяния с ее сестрой – венецианкой, и что ей это интересно.

Я сама надену тебе его, – говорит мне она, – и ты не можешь себе представить, насколько мне это будет приятно. Скажи мне, почему ты не использовал его прошлой ночью? Мне кажется, нельзя не догадаться. Несчастливая! Что я буду делать через четыре-пять месяцев, когда уже не буду сомневаться в моей второй беременности?

– Моя дорогая подруга, мы не должны об этом думать, потому что если плохое уже произошло, лекарства от этого нет. Могу тебе однако сказать, что опыт и рассуждения сходятся на том, что известные нам законы природы позволяют надеяться, что то, что мы вчера проделали в опьянении своих чувств, не вызовет тех последствий, которых мы боимся. Говорят, и это описано, что этого не следует опасаться до появления некоторых обстоятельств, которых, полагаю, ты у себя еще не наблюдала.

– Ты прав, еще нет.

– Так что прогоним от себя эту ужасную панику, которая сейчас нас может только напрасно тревожить.

– Ты меня утешил. Но, соответственно тому, что ты мне сказал, я не понимаю, почему ты опасаясь сегодня того, чего можно было не бояться вчера. Я в таком же положении.

– События, мой ангел, часто дают опровержение самым ученым физикам, вопреки их предыдущему опыту. Природа – более знающий ученый, чем они; остережемся бросать ей вызов, и простим себя, если мы сделали это вчера.

– Я люблю слушать твои ученые рассуждения. Согласна. Будем осторожны. Ну вот, ты облачен моими руками. Это – почти такое же самое; Но, несмотря на тонкость этой кожи и ее прозрачность, этот маленький персонаж в маске мне нравится меньше. Мне кажется, что этот наряд его портит, или меня портит; либо то, либо другое.

– И то и другое, мой ангел; но отвлечемся в такой момент от некоторых умственных идей, которые лишь могут лишить нас части удовольствия.

– Мы сейчас получим его в полной мере; позволь мне сейчас действовать в меру моего разума, которое я, за всю мою жизнь, не осмеливалась распустить в этой области; это любовь изобрела эти маленькие одеяния, но необходимо присоединять их с осторожностью, и мне кажется, что это соединение должно его огорчать, так как оно относится к области темной политики.

– Увы! Это правда. Ты меня удивляешь. Но дорогой друг, мы пофилософствуем после.

– Подожди еще момент, потому что я никогда не видела мужчину, и никогда не испытывала такого любопытства, как сейчас. Я говорила, всего десять месяцев назад, что эти мешочки изобрел дьявол, а теперь я нахожу, что изобретатель не такой уж дьявол, потому что, если бы этот горбатый крючок пользовался только ими, он не заставил бы меня потерять честь и самую жизнь. Но скажи мне, прошу тебя, как допускают мирное сосуществование бесстыдных закройщиков, которые делают эти мешочки, потому что, наконец, они должны быть известны и сотню раз отлучены от церкви или подвергнуты большим штрафам и телесным наказаниям, если они евреи, как я думаю. Смотри. Тот, кто тебе его сделал, ничего не понимает в измерениях. Здесь он слишком длинен, здесь – слишком широк; это почти туннель; оно сделано для изогнутого тела. Какой дурак, невежда в своем ремесле. Но что я вижу?

– Ты меня смешишь. Это твоя ошибка. Трогай, трогай! Вот что должно произойти. Я это предвидел.

– Ты не можешь подождать еще момент. И ты продолжаешь... Мне жаль, дорогой друг; но ты прав. Ох, мой бог! Какая жалость!

– Ох! Ничего страшного.

– Как это ничего страшного? Несчастливая! Он умер. Ты смеешься?

– Дай мне посмеяться, потому что твоя тревога меня очаровывает. Ты увидишь через малое время, что маленький забавник снова восстанет, и такой полный жизни, что больше не умрет так легко.

– Это невероятно.

Я его обтираю, откладывая в сторону и показываю ей другим, который ей нравится больше, потому что она находит его более соответствующим моему росту, и она разражается смехом, когда видит, что может его надеть. М. М. была незнакома с этими чудесами природы. Ее ум, в значительной степени зажатый, не мог, до знакомства со мной, проникнуть в действительную природу вещей; едва расправившись, с эластичностью пружины, он перескочил через границы со всей быстротой своей природы, с тем, чтобы двигаться дальше более медленно. Она сказала, что если одеяние прохудится в конце во время акта, оно окажется бесполезным. Я объяснил, что такое вряд ли возможно, я рассказал, что делают эти маленькие мешочки в Англии, что продают их по-случаю, в зависимости от размера, и рассказал, как достают такую кожу. После всех этих обсуждений, мы предались любви, затем – сну, затем – снова любви, вплоть до момента, когда мне нужно было возвращаться в мое жилище. Крестьянка сказала мне, что ее молочный сын потратил только четыре луи, и что она подарила ему два. Я дал ей двенадцать. Я спал до полудня пропустив завтрак у маркиза де Прие. Но предупредил его об этом. Его любовница дулась на меня во все время обеда; но она смягчилась, когда я согласился сыграть с ней в банк; однако видя, что она играет по крупной, я не позволил ей это; увидев, что я ее пару раз поправил, она ушла в свою комнату; но ее дружок выигрывал, и я проигрывал, пока не прибыл из Женевы молчаливый герцог де Росбюри, вместе со Смитом, своим гувернером, и двумя другими англичанами. Он вошел в банк, буркнув мне что-то вроде «*удиуду сер*»¹, и стал играть, призвав своих двух друзей делать то же самое... После тальи, видя, что мой банк в агонии, я отправил Ледюка в мою комнату, чтобы он принес мой кофр, откуда я достал пять свертков по сотне луи каждый, Маркиз де Прие сказал мне холодно, что идет в половину со мной, и я просил его с той же холодностью разрешить мне не согласиться с его предложением. Он продолжил понтировать, не обижаясь на мой отказ, и когда я бросил карты, чтобы кончить, он был в выигрыше почти на две сотни луи; но большинство остальных проиграли, и особенно один из двух англичан; я оказался почти с тысячей луи. Маркиз напросился ко мне назавтра на чашку шоколада, я ответил, что сочту за честь. Препровожденный Ледюком к себе вместе со своим кофром, я направился в свою хижину, достаточно довольный проведенным днем.

Я застал моего нового ангела с некоторым выражением печали на лице.

– Молодой крестьянин, – сказала мне она, – племянник моей хозяйки, очень надежный, как она меня заверила, и знакомый с послушницей из моего монастыря, прибыл из Шамбери час назад и сказал ей, что узнал от той послушницы, что послезавтра две послушницы отправляются на рассвете, чтобы забрать меня отсюда и отвести в монастырь. Вот причина моей грусти и моих слез.

– Она должна была отправить их только через восемь или десять дней.

– Она поторопилась.

– Мы несчастны даже в своем счастье. Определяйся. Поедем в Рим.

– Нет. Я достаточно пожила. Оставь меня вернуться в мою могилу.

После ужина я сказал крестьянке, что она должна отправить своего племянника в Шамбери и наказать ему отправиться обратно только в тот момент, когда эти послушницы выйдут из монастыря; таким образом, он, едучи быстро, придет к нам за два часа раньше их; Я обещал моему ангелу оставаться с ней до самого его прибытия. Таким образом я развеял ее грусть, но я покинул ее в полночь, чтобы быть у себя утром, поскольку пригласил на завтрак маркиза, который прибыл вместе со своей любовницей и двумя другими дамами, сопровождаемыми их друзьями.

Помимо шоколада, я предложил им все, что мог придумать, и что могло быть включено в так называемый завтрак; после этого я приказал Ледюку запереть мою комнату и говорить

¹ How do you do, sir – как дела, сэр?

всем, что я не в настроении и занят написанием писем в постели, не желая никого принимать. Я сказал ему, что буду отсутствовать весь день, ночь и следующий день. Я велел ему, наконец, ожидать моего возвращения, не покидая моей комнаты. Я отправился обедать с моей любимой, решив ее покинуть не ранее, чем за полчаса до прибытия послушниц.

Когда она меня увидела и узнала, что я ее покину лишь за полчаса до прибытия двух женщин, которых аббатиса отправляет за ней, она задрожала от радости. Мы разработали проект пропустить обед, и лишь слегка поужинать, пойти лечь и не вставать, пока молодой человек не известит нас о том, что прибывают две монахини. Мы сейчас же известили об этом крестьянку, которая нашла наш проект замечательным.

Для нас часы летели быстро. В темах для разговоров недостатка не было, так как для двух влюбленных сюжетами были они сами. После весьма умеренного ужина мы провели двенадцать часов в койке, занимаясь любовью и время от времени засыпая. На следующий день, пообедав, мы снова легли, и в четыре часа крестьянка пришла нам сказать, что в шесть придут послушницы. Тогда мы приняли друг от друга все прощальные приветия, которые могли, и я запечатал последний своей кровью. Если первая М. М. такое видела, вторая тоже должна была это увидеть, и она была этим поражена, но я ее легко успокоил. Я попросил ее сберечь для меня пятьдесят луи, заверив, что приду забрать их у нее у решетки ее монастыря, прежде, чем истекут два года, и она поняла справедливость этой просьбы, которая помешала ей отказать мне в этом удовольствии. Она использовала последнюю четверть часа, проливая слезы, и я удержал свои лишь для того, чтобы не увеличивать ее горя. Пообещав крестьянке, что увижусь с ней вечером следующего дня, я вернулся к себе, где лег, чтобы подняться на рассвете и выйти на дорогу на Шамбери. В четверти лье от Экса я увидел моего ангела, которая шла медленным шагом, и двух бегинок, которые попросили у меня именем Бога милостыни. Я дал им луи и пожелал доброго пути. М. М. на меня не посмотрела.

Вернувшись обратно, я направился к крестьянке, которая мне сказала, что М. М., уходя на рассвете, просила только, чтобы та передала мне, что она ждет меня у решетки. Отдав ей для ее племянника все серебро, что у меня было, я пошел распорядиться, чтобы привязали к коляске весь мой багаж, и я бы уехал, если бы были лошади. Меня заверили, что лошади будут к двум часам. Я пошел в гостиницу и поднялся к маркизу, чтобы отдать прощальные приветствия. Я застал его любовницу одну. Я сказал ей, что должен уехать в два часа; она ответила, что я не уеду, что я должен доставить ей удовольствие остаться еще на два дня. Я ответил, что очень чувствительно отношусь к ее пожеланию, но дело большой важности заставляет меня уехать. Повторяя, что я должен остаться, она, стоя перед большим зеркалом, расшнуровала свой корсет, чтобы его поправить после того, как расправила свою рубашку. Производя этот маневр, она позволила мне видеть свои шары, созданные для того, чтобы сломить любое сопротивление, но я сделал вид, что ничего не вижу. Мне ясен был ее замысел, но я решил ускользнуть. Она поставила ногу на край канапе, на котором я сидел, и, под предлогом стремления приподнять подвязку повыше колена, позволила видеть свою стройную ногу и, перепрыгнув на другую, дала полюбоваться красотами, которые заставили бы меня сдать, если бы не вернулся маркиз. Он предложил мне перекинуться в пятнадцать, дама захотела играть вполчину со мной, я постыдился отказываться; она села возле меня и раздала карты. Когда игра завершилась, я ушел, потеряв сорок луи. Мадам сказала, что должна мне двадцать. На закуску Ледюк объявил мне, что коляска у дверей. Я поднялся, мадам, сказав, что должна мне двадцатку, хотела заплатить и предложила пройти с ней в ее комнату.

Когда мы очутились там, она сказала мне серьезно, что если я уеду, я ее опозорю, так как вся компания знает, что она вызвалась заставить меня остаться... Она сказала, что не представляет себе такого, чтобы ею пренебрегли, она толкнула меня на канапе и вернулась к своим попыткам, перевязывая передо мной свои пресловутые подвязки. Не имея возможности отрицать, что я вижу то, что мне показывают, я сдаюсь, я трогаю, я целую, она падает на меня, и

она горда тем, что видит неоспоримое свидетельство моей чувствительности; она обещает мне, присосавшись своим ртом к моему, быть моей завтра. Не зная, что делать, чтобы освободиться, я ловлю ее на слове и говорю, что иду велеть распрягать, как раз в тот момент, как входит маркиз. Я выхожу, как будто бы с тем, чтобы вернуться, слыша при этом, что он говорит мне, что даст мне реванш. Я не отвечаю. Я выхожу из гостиницы, сажусь в мою коляску и уезжаю.

Глава II

Дочери консьержа. Гороскопы. М-ль Роман.

Я остановился в Шамбери лишь для того, чтобы сменить лошадей, и прибыл в Гренобль, где, имея намерение остановиться на неделю и видя, что в гостинице буду устроен плохо, я не велел распаковывать багаж. Я нашел на почте все письма, что ожидал, среди которых одно от м-м д'Юрфэ, которое содержало в себе другое, адресованное лотарингскому офицеру по имени барон де Валенглар. Она писала мне, что он – ученый, и что он представит меня всем хорошим домам города. Я сразу пошел разыскать этого офицера и он, прочтя письмо, предоставил себя к моим услугам во всем, что от него зависит. Это был любезный мужчина среднего возраста, который за пятнадцать лет до того времени был в друзьях у м-м д'Юрфэ и еще более того у принцессы де Тудвиль, ее дочери. Я попросил у него найти мне хорошее жилье, так как в гостинице я устроился слишком плохо. Немного подумав, он сказал, что может устроить меня в превосходный дом за городом, откуда я смогу видеть Изер. Консьерж его был кулинар и, чтобы иметь преимущество быть моим поваром, он поселит меня за бесценок; поскольку дом продавался, он надеялся найти того, кому дом понравится, и кто его купит. Дом принадлежал вдове уж не помню какого президента. Мы отправились его посмотреть, я занял апартаменты из трех комнат, заказал ему ужин на двоих, предупредив, что я лакомка, гурман, и притом скупец. Я просил г-на де Валенглар отужинать со мной. Консьерж сказал, что если я останусь недоволен, я ему об этом скажу; он отправил, прежде всего, в гостиницу человека с моей запиской, в которой я приказал Ледюку переехать в мое новое жилье со всем багажом. Итак, я устроился хорошо. Я вижу на первом этаже трех очаровательных девиц и жену консьержа, которые делают мне реверанс. Г-н де Валенглар ведет меня на концерт, говоря, что там меня всем представит. Я попросил его не представлять меня никому, предоставив мне самому возможность сказать ему, когда я увижу дам, которые окажутся таковы, что внушат мне желание с ними познакомиться.

Единственная, что поразила меня во всей большой компании, была юная высокая девица скромного вида, брюнетка, весьма хорошо сложенная и одетая очень просто. Эта интересная девица, скользнув по мне разок своими прекрасными глазами, упорно более на меня не глядела. Мое тщеславие заставило меня думать, что это сделано лишь для того, чтобы предоставить мне возможность изучать в полной свободе правильность ее черт. Именно на этой девице я и остановил свой выбор, как будто бы вся Европа была не более чем сералем, предназначенным для моих удовольствий. Я сказал Валенглару, что хочу с ней познакомиться; он ответил, что она умна, что она никого не принимает и что она весьма бедна.

- Эти три качества увеличивают мой интерес.
- Уверяю вас, что тут нечего делать.
- Это именно то, чего я хочу.
- На выходе из концерта я вас представлю ее тетушке.

Доставив мне это счастье, он пошел со мной ужинать. Этот консьерж показался мне повторением Лебея. Он прислуживал мне за столом с помощью своих двух дочерей, необычайно хороших, и Валенглар был счастлив видеть меня довольным; однако он был поражен, когда на пятой перемене увидел пятнадцать блюд.

- Этот человек, – сказал он мне, – издевается над вами и надо мной.
- Этот человек, – ответил я, – угадал мой вкус. Не находите ли вы все превосходным?
- Это правда. Но...
- Ничего не опасайтесь. Я люблю расходы.
- Тогда извините. Я лишь хотел, чтобы вы были довольны.

Он подал нам изысканные вина и на десерт ратафию наилучшего качества, лучше, чем турецкая *вишневка*, что я пил у Юсуфа Али за семнадцать лет до того. Когда он появился в конце ужина, я сказал, в присутствии его дочерей, что он достоин быть первым поваром у Луи XV.

– Делайте так же как сегодня и даже лучше, если сможете; но сделайте так, чтобы я всегда имел меню накануне утром. Прошу вас также подавать мне каждый день мороженое и ставить мне на стол по меньшей мере две свечи. Я вижу здесь лампы, если не ошибаюсь, и не хочу их видеть. Я венецианец.

– Это ошибка, месье, вашего слуги, который, сказавшись больным, улегся в постель, предварительно хорошо поужинав.

– Он болен в воображении.

– Он попросил мою жену приготовить вам завтра утром шоколад, который он ей даст; но я сделаю его сам.

Валенглар, удивленный и весьма довольный, сказал мне, что, очевидно, м-м д'Юрфэ посмеялась над ним, порекомендовав ему проследить за моей экономией. Мы оставались за столом до одиннадцати часов, болтая и осушив бутылку божественного гренобльского ликера. Он состоит из водки, сахара, вишен и корицы. Я поблагодарил его, проводив до моей коляски, которая отвезла его домой; я просил его быть моим сотрапезником по утрам и по вечерам, и он обещал мне это, за вычетом дней, когда он будет на службе. Я дал ему за ужином мое кредитное письмо на Цаппату, которое индоссировал, в его присутствии, именем де Сейнгалът, под которым меня представляла м-м д'Юрфэ. Он заверил меня, что завтра же передаст его учесть, и сдержал слово. Банкир привез мне в девять часов четыре сотни луи. У меня было еще тринадцать сотен в кошельке. Я всегда боялся экономить. Я испытал сильнейшее удовлетворение, сознавая, что Валенглар опишет все, что он увидел и услышал, скупой м-м д'Юрфэ, которая всегда была недовольна, проповедуя мне экономию. Я рассмеялся, когда, войдя в свои апартаменты, увидел двух дочерей консьержа.

Ледюк не ждал, чтобы я сказал ему, что он должен найти предлог, чтобы уклониться от прислуживания мне. Он знал, что когда в домах, где я селился, имелись хорошенькие девушки, я не испытываю удовольствия от его присутствия.

При виде этих двух девушек, имевших облик весьма порядочный, старавшихся мне услужить с самым большим доверием, мне явился каприз убедить их, что я его заслуживаю. Они меня разули, причесали на ночь и принесли мне, со всем уважением, рубашку. Когда я лег, я сказал им запереть меня и принести мой шоколад в восемь часов.

Я не мог помешать себе погрузиться в свои мысли и почувствовать себя счастливым. Превосходное здоровье в цветущем возрасте, без малейших обязанностей, без всякой нужды задумываться о будущем, поскольку имел много денег, не зависящий ни от кого, счастливый в игре и, по преимуществу, добивавшийся женщин, которые меня интересовали, я имел полное право говорить себе: *«Будь счастлив!»*.

Я заснул, думая о девушке, которая меня так поразила в концерте. Уверенный в том, что познакомлюсь с ней, я любопытствовал, что же из этого будет. Она была умна и бедна, а я умен и богат: она не должна была отвергнуть мою дружбу. Назавтра, в восемь часов, я увидел, что моя дверь открылась, и одна из дочерей консьержа, принеся мой шоколад, сказала, что Ледюк почувствовал лихорадку, и что ее кузина пошла отнести ему бульону в постель. Я нашел, что мой шоколад приготовлен отлично, спросил ее имя, она ответила, что ее зовут Роза, а ее сестру Манон, и та появилась с моей отутюженной рубашкой. Я поблагодарил ее и сказал, что она должна заботиться только о глажке кружевных рубашек. Славная Манон сказала, краснея, что причесывала своего отца, а Роза сказала, смеясь, что она его и брила.

– Итак, – ответил я, – вы обе будете проявлять ко мне ту же заботу вплоть до выздоровления Ледюка.

Любопытствуя посмотреть, как меня будет брить эта девочка, я побыстрее поднялся, в то время как она отправилась за горячей водой. Манон выставила на моем туалетном столике пудру, помаду и все то, что может ей понадобиться. Роза вернулась, и, после того, как она превосходно справилась с делом, я вознаградила ее усилия, подставив ей свое побритое и умытое лицо – она не могла оказаться более умелой. Она меня не поняла; я сказал ей серьезным, но нежным тоном, что она меня оскорбит, если немедленно не поцелует. Она уклонилась с тонкой улыбкой, сказав, что это не модно в Гренобле; я настаивал; я сказал, что она меня больше не будет брить; Вошел ее отец с картой меню, он слышал диалог и сказал, что это модно в Париже, что она его также целует после бритья и должна быть такой же вежливой со мной, как и с ним. После этого она поцеловала меня с покорным видом, заставившим рассмеяться Розу.

– Твоя очередь настанет, – сказал он ей, – когда ты уберешь его волосы.

Это был верный способ заставить меня усомниться на его счет, но это было излишне, я считал его порядочным человеком, и видел, что он ушел от меня весьма довольным. Я установил ему на будущее фиксированную цену за день, не желая иметь заботу изучать счет каждый раз.

Манон меня причесала так же хорошо, как моя бывшая гувернантка, которую я вспоминал каждый раз с удовольствием, и затем поцеловала, показав себя менее стеснительной, чем сестра. Я многого ожидал от обеих. Они вышли, когда увидели, что пришел банкир, заявивший, что принес мне четыре сотни луи.

Этот банкир, молодой человек, сказал, отсчитав мне сумму, что, поселившись в этом доме, я должен почитать себя счастливым.

– Разумеется, – ответил я, – потому что эти две сестры очаровательны.

– И их кузина еще более хороша. Они умны.

– И я полагаю их вполне самостоятельными.

– У их отца две тысячи ливров ренты; они станут женами торговцев и они смогут выбирать.

После его отъезда я спустился, любопытствуя увидеть кузину. Вижу консьержа, спрашиваю, где комната Ледюка, и он показывает мне дверь. Я захожу и вижу его в постели, в комнатном платье, с книгой в руке и с лицом, не похожим на лицо больного.

– Как ты?

– Ничего. Я заболел вчера, когда увидел этих трех принцесс, которые стоили гувернантки из Золотурна, той, что не захотела, чтобы я ее поцеловал. Меня, однако, заставляют слишком долго ждать бульона.

– Месье Ледюк, ты наглец.

– Вы хотите, чтобы я выздоровел?

– Я хотел бы, чтобы эта комедия закончилась, потому что она меня утомляет.

Я вижу, появляется бульон, принесенный кузиной. Я нахожу, что банкир был прав. Я отмечаю, что, обслуживая Ледюка, она выглядела хозяйкой, в то время как мой испанец имел вид обычный.

– Я буду обедать в постели, – говорит он ей.

– Вас обслужат.

Она вышла.

– Она строит из себя принцессу, – говорит он мне, – но она мне таковой не кажется. Вы находите ее хорошенькой, не правда ли?

– Я нахожу тебя дерзким. Ты обезьянничает, и ты мне не нравишься. Вставай и иди прислуживать мне за столом. Потом ты поешь один, и тебе окажут уважение; Но ты не ляжешь больше в этой комнате. Консьерж укажет тебе, где будет твоя кровать.

Встретив эту кузину по выходе, я сказал ей, что завидую чести, которую она оказывает моему слуге, и прошу ее больше не беспокоиться. После чего говорю консьержу, чтобы он

уложил того в кабинете, куда я мог бы звонить ему ночью, если мне он понадобится. Затем я пошел писать, вплоть до прихода Валенглара.

Я встретил его, обняв и поблагодарив за то, что он поселил меня, как я того хотел. Он сказал, что зашел, чтобы нам пойти нанести визит даме, которой он меня представил. Она была женой адвоката по имени Морен и тетей девицы, которая меня интересуется; как он ее попросил, и как ему обещали, за ней было послано, и она должна была провести с ней весь день.

Превосходно поев, мы направились к м-м Морен, которая встретила меня с парижской непринужденностью. Она была матерью семерых детей, которых мне представила. Ее старшая дочь, которой было двенадцать лет и которая не была ни красивой, ни дурнушкой, показалась мне четырнадцатилетней, о чем я ей и сказал. Она пошла за книжкой, в которой показала мне записанными год, день, час и минуту ее рождения. Видя такую точность, я спросил у нее, составляли ли ее гороскоп; она ответила, что не нашлось никого, кто мог бы доставить ей это удовольствие. Я заметил, что это никогда не поздно; и Бог знает зачем захотел добавить, что я – тот, кто ей его доставит.

В этот миг вошел Морен, она его мне представила и после обычных вежливостей вернулась к вопросу о гороскопе. Этот человек разумно заметил, что астрология это либо наука, либо ошибка, по крайней мере вызывающая большое сомнение, как он уже давно убедился, но что в конце концов он от нее отказался, довольствуясь несомненными истинами, которые дает астрономия. Валенглар, который понимал в астрологии, дал ему бой; тем временем я скопировал дату рождения м-ль Морен. Ее отец улыбался, целуя ее в голову, и я видел, о чем он думает; но я был весьма далек от мысли его опровергать. Я решил в этот день быть астрологом.

Но вот вошла прекрасная мадемуазель, и ее тетушка обозначила подарок именем Роман-Купье, дочери своей сестры. Она немедленно поведала всем о горячем желании с ней познакомиться, которое она внушила мне в концерте. Та ответила только тем, что покраснела, отдав мне прекрасный реверанс и опустив черные глаза, прекрасней которых я не припомню, чтобы видел. Ей было семнадцать лет, у нее была очень белая кожа, волосы черные, с очень небольшим количеством пудры, интересный рост, превосходные зубы, и на устах грациозная улыбка, скромная и одновременно любезная.

После нескольких общих фраз г-н Морен удалился по своим делам, была предложена игра в *кадриль*², в которой меня постигло невероятное горе в виде проигрыша одного луи. Я нашел в м-ль Роман светлый ум, без притворства, без блеска и какой-либо претензии, ровную веселость и замечательное умение делать вид, что не слышит в репликах слишком лестного комплимента или острого словечка, которого она не могла бы оценить, не выказав осведомленности в том, что должна была бы не знать. Одета очень просто, она не имела на себе ничего лишнего, что демонстрировало бы некоторый недостаток, никаких серег, перстней, часов, лишь черную ленточку на шее с маленьким золотым крестиком. Кроме этого, ничто не мешало мне любоваться ее прекрасной шеей, которую мода и воспитание заставили обнажить лишь на треть, с той же невинностью, что позволяла ей демонстрировать свои ланиты, где розы смешивались с лилиями. Изучая ее поведение, чтобы понять, могу ли я надеяться, я не мог ничего понять; она не делала никакого движения навстречу; она не дала мне никакого ответа таким образом, чтобы подать мне малейшую надежду; но она также не давала ни малейшего повода для отчаяния. Небольшой демарш дал мне однако некоторую надежду. Во время ужина, под предлогом поправить ее салфетку, я слегка пожал ей бедро и не заметил на ее лице ничего, что говорило бы о том, что она не одобряет мою вольность. Я просил всю компанию прийти завтра ко мне обедать и ужинать, заверив м-м Морен, что я не выхожу, и что таким образом она может воспользоваться моей коляской, которая будет ждать у ее дверей. Доставив Валенглара домой, я направился к себе, строя воздушные замки по поводу победы над м-ль Роман. Я

---

² карточная игра

сообщил консьержу о том, что завтра мы будем обедать и ужинать вшестером. Ледюк уложил меня в постель, сказав, что, наказывая его, я наказал сам себя, и спросив, будет ли он меня причесывать. Я сказал, что он может пойти прогуляться по Греноблю, возвратившись домой только ко времени, когда нужно будет прислуживать за столом.

– Я подцеплю дурную болезнь.

– Я отправлю тебя лечиться в больницу.

Дерзкий, наглый, распутный, но послушный, неболтливый и верный, – я должен был его терпеть. Назавтра Роза, придя с моим шоколадом, сказала, смеясь, что мой слуга, наняв себе слугу и коляску и одевшись сеньором, со шпагой на боку, отправился, как он сказал, делать визиты. Мы посмеялись. Минуту спустя вошла Манон. Я заметил, что эти девушки явно дали друг другу слово не оказываться наедине со мной друг без друга. Мне это не нравилось. Две или три минуты спустя, поднявшись, я увидел кухню с пакетом под мышкой.

– Я очарован видеть вас, моя прекрасная мадемуазель, и видеть при этом вас смеющейся, потому что вчера вы показались мне слишком серьезной.

– Это потому что г-н Ледюк, очевидно, гораздо более высокий сеньор, чем вы, и вы понимаете, что я не должна была смеяться; но вы не можете себе представить, как я смеялась, когда полчаса назад я видела его, всего в золоте, садящегося в коляску.

– Он видел, что вы смеетесь?

– Ну, если он не слепой.

– Он будет уязвлен.

– Мне это приятно.

– Вы очаровательны. Что у вас в этом пакете?

– Изделия из кожи. Смотрите. Это перчатки, пошитые и покрытые вышивкой, мужские и женские.

– Я нахожу их отличными. Сколько же приносит вам это ремесло?

– Вы занимаетесь торговлей?

– Непременно.

– Будем это знать.

Они немного переговорили между собой, кухня взяла перо, отсчитала дюжину, пометив разные цены, сложила и сказала мне, что все это стоит двести десять ливров. Я дал ей девять луи и сказал, что мне следует вернуть четыре ливра.

– Вы мне сказали, что вы торговец.

– Вы напрасно мне поверили.

Она покраснела и дала мне четыре ливра. Роза меня побрила, и они выдали мне, не ломаясь, мое вознаграждение, и кухня, которая была последней, дала почувствовать мне свой язык, увлажненный нектаром. Я увидел, что она окажется благосклонной при первой же okazji. Роза спросила, могут ли они прислуживать за столом.

– Я прошу вас об этом.

– Но мы хотели бы знать, для кого вы даете обед, потому что если это офицеры гарнизона, – они почти все такие нахалы, что мы не осмелимся.

Я сказал им, что это для м-м Морен и м-ль Роман, и они были рады. Кухина сказала, что в Гренобле нет ни более красивой, ни более умной девушки, чем м-ль Роман, но что ей будет трудно найти мужа, потому что у нее ничего нет; Я ответил, что найдется богатый человек, который оценит в миллион ее красоту и ум. Причесав меня, Манон ушла, вместе со своей кухиной, и Роза, оставшись, чтобы меня одеть, была мною слегка атакована; однако, встретив слишком стойкое сопротивление, я попросил у нее извинения, заверив, что это не повторится. Одевшись, я заперся, чтобы составить гороскоп, который обещал м-м Морен. Я легко набросал восемь страниц наукообразной галиматши. Будучи осведомлен о том, что могло произойти с ее дочерью до ее теперешнего возраста, и указав об этом правильно, я не дал оснований под-

вергнуть сомнению мои предсказания на будущее. Я ничем не рисковал, потому что они все были подкреплены всякими «если». Эти «если» составляют всю суть науки астрологов, всегда глупцов или мошенников. Перечитав этот гороскоп и найдя его замечательным, я не был этим удивлен. Будучи знатоком в кабале, я должен был оказаться таковым же и в астрологии.

Получасом после полудня вся компания прибыла, и в час мы были уже за столом. Я понял, что консьерж был человеком, которого следует скорее сдерживать, чем пытаться поощрять. М-м Морен была весьма грациозна со своими тремя дочерьми, которых она знала очень хорошо, и Ледюк держался все время за ее стулом, очень внимательный в услужении, одетый в платье получше моего. В конце обеда м-ль Роман сделала мне комплимент по поводу трех красоток, которых я имел в услужении в этом чудесном доме, я поговорил об их талантах, и, сходя за перчатками, которые закупил, увидел, что они ей настолько понравились, что она согласилась принять дюжину, ободренная своими тетей и кузиной, которые оказали мне ту же честь. После этого я передал м-м Морен гороскоп ее дочери, который прочел ее муж. Хотя он и не понял ничего, он должен был им восхититься, поскольку все выглядело в соответствии с влиянием планет, которые выражали состояние небес в минуту рождения дочери. Проведя пару часов в разговорах об астрологии, и пару других – в игре в кадрили, мы пошли прогуляться в саду, где, проявив вежливость, мне предоставили возможность поболтать в полной свободе с прекрасной Роман. Все речи, что я с ней вел, касались только страсти, которую она мне внушила, ее красоты, ее ума, чистоты моих намерений и необходимости для меня быть ею любимым, чтобы не остаться несчастным на весь остаток моих дней. Она ответила, что если Бог судил ей иметь мужа, она была бы счастлива, если бы он был похож на меня; Я прилепился губами к ее руке и, весь в огне, сказал ей, что надеюсь, что она не заставит меня томиться в ожидании. Она повернулась, ища глазами свою тетю. Стемнело, и она опасалась того, что могло бы приключиться.

Мы вернулись в помещение, где, для их развлечения, я устроил небольшой банк в фараон. М-м Морен дала денег обеим девицам, у которых не было ни су, и Валенглар настолько хорошо повел свою игру, что, когда я окончил свою талью, чтобы идти ужинать, я имел удовольствие видеть, что каждая из них выиграла.

Мы оставались за столом вплоть до полуночи. Ветер, спустившийся с Альп, был очень силен, и я не осмелился настаивать на прогулке в саду. М-м Морин ушла, осыпав меня благодарностями, и я расцеловал ее, однако со всей благопристойностью.

Услышав пение на кухне, я захожу туда и вижу Ледюка, пьяного настолько, что не может держаться на ногах. Когда он меня увидел, он приблизился, чтобы попросить прощения, и упал, затем его вырвало. Его отнесли в кровать. Я счел этот случай достойным, чтобы над ним посмеяться, и так бы и случилось, если бы не пришли девушки, все вместе. То, что проходит один раз, не годится во второй. Характер этих девиц был таков, что я не мог бы заниматься ими иначе, чем по одной за раз, все время без ведома остальных. Я не мог подвергнуть неуспешной атаке одну, что повлекло бы затем потерю всякой надежды иметь их одну за одной. Я видел, что Роза в открытую ревновала к кузине, шпионя за моими взглядами. Когда я улегся в постель, я поблагодарил их, и они ушли.

На другой день Роза вошла одна, спросив у меня брикет шоколада и говоря мне, что Ледюк болен всерьез. Она принесла мне мой сундучок, и, дав ей брикет шоколада, я взял ее за руку и дал ей почувствовать, что люблю ее; она притворилась оскорбленной и ушла. Пришла к моей постели Манон, показав порванную мной манжету и спросив, не хочу ли я, чтобы она ее зашила. Я взял ее за руку, наклоняясь, и когда она увидела, что я хочу ее поцеловать, она ее отдернула, наклонилась сама и позволила мне принять поцелуй, который я видел на ее полуоткрытых губах; я быстро снова схватил ее за руку, но дело прервалось, потому что вошла кузина. Манон отдернула свою руку и, держа манжету, притворилась, что выслушивает мой ответ. Я

сказал ей рассеянно, делая вид, что не вижу кузину, что она доставила бы мне удовольствие, починив манжету, когда у нее будет время, и она ушла.

Доведенный до крайности этими двумя происшествиями, я решил, что кузина от меня не упрыгает, потому что накануне я уже получил от нее авансы. Я попросил у нее платок, она дала его, не упоминая поцелуя, и оставила мне свою руку, и дело было бы сделано, если бы не пришла Роза с моим шоколадом. Ничего не было легче для меня и для кузины, чем принять мгновенно непринужденный вид, но это третье происшествие привело меня в ярость. Я хотел убить Розу; но я должен был успокоиться, я сердился, но имел на это право при том, что она меня оттолкнула четверть часа назад. Шоколад показался мне плохо приготовленным; это было не так, но я ей об этом сказал. Я поднялся, я не захотел, чтобы она меня побрила, но позволил, чтобы Манон меня причесала; две другие вышли, притворяясь, что делают общее дело, но Роза при этом старалась больше, чем Манон. В этот момент появляется Валенглар.

Этот человек, обладающий большим достоинством и здравым смыслом, несмотря на то, что мнил себя знатоком в абстрактных науках, сказал мне за обедом, что находит меня немного грустным, и что если это происходит от мыслей, связанных с юной Роман, он советует от них отказаться, по крайней мере если я не решаюсь просить ее себе в жены. Я ответил, что уезжаю через несколько дней.

Мы увидели ее у ее тети. Она встретила меня с дружеским видом, который меня порадовал и побудил ее поцеловать, усадив себе на колени. Ее тетя рассмеялась, она слегка покраснела и дала мне маленькую бумажку, затем убежала. Я прочел на ней год, день, час и минуту ее рождения; я все понял. Ее бегство из моих объятий должно было сказать, что я могу рассчитывать на некоторые милости с ее стороны, лишь составив ее гороскоп. Думая сыграть на этом, я сказал ей, что отвечу, смогу ли я доставить ей это удовольствие или нет, за следующий день у меня и за ночь танцев. Она смотрит на свою тетю, и мое предложение одобрено.

Объявляют о приходе *русского*. Я вижу мужчину моего возраста, очень *комильфо*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.